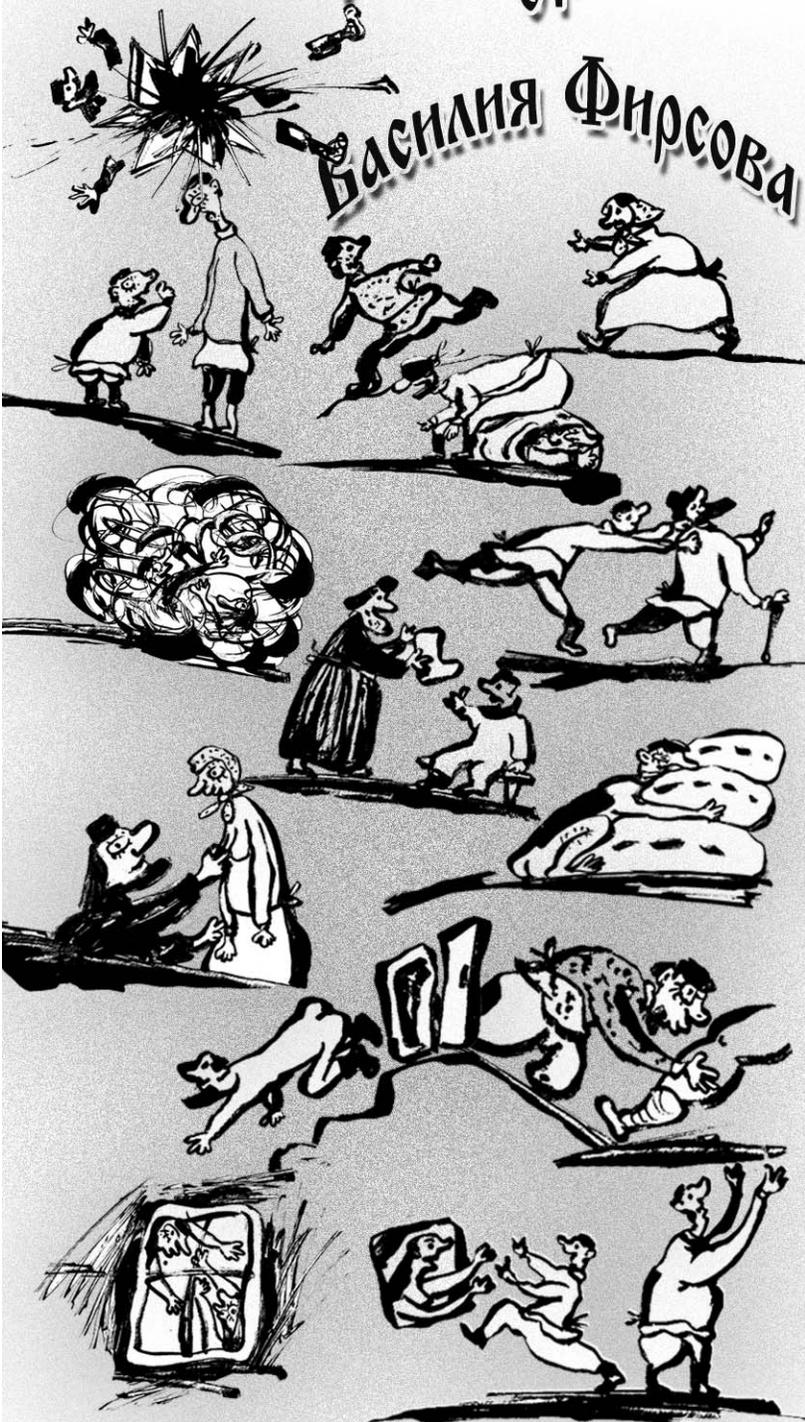

Василий
ФИРСОВ

ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ ОТ

БАСИЛИЯ ФИРСОВА

ИЗБА БЕЗ КРЫШИ

Шли мужики, будущие киндасовцы, по берегу реки Шуи. Глядели, где деревню почать строить. Смотрят, лежит рукавица.

— Эй, братцы, — говорит старшой. — Рукавица лежит, знать, недаром. Быть на этом месте деревне, а прозваньем Киндас — Рукавица.

Взялись мужики ставить первый дом. Кто брёвна таскает, кто доски пилит, кто топором стучит. Быстро дело идёт, изба растёт не по дням, а по часам. Вот уж и стены срубили, печку сложили, в окна рамы вставили, — всё почти готово, только и осталось дела — крышу покрыть. Тут как раз дождь пошёл, заспешили мужики, да тут старшой вдруг закричал:

— Эй, братцы, да кто же в дождь крышу кроет?! Никто в дождь крышу не кроет, бросайте работу.

Согласились мужики, бросили работу, а старшой дальше говорит:

— В дождь крышу не кроют, а в ясный день и так не течёт, верно говорю?

Подумали мужики, опять согласились.

— А пожалуй, и так, — говорят. — В дождь крышу не кроют, а в ясный день и так не течёт.

— А коли так, — заключает старшой, — то зачем нам тогда крышу крыть? Проживём и так, без крыши.

И опять согласились мужики со старшим.

— Верно, братцы, — говорят. — Ни к чему нам крыша, бросай топоры, будем новоселье справлять.

Побросали мужики топоры да пилы и давай новоселье справлять. Дождь идёт, крыши нет, а мужики веселятся, новоселье справляют.

— Ничего, — говорят, — дождик вымочит, а солнышко высушит, — гуляй, ребята!

Справили новоселье, стали жить в избе без крыши. Дождь польётся — кинда-

совцы мокнут, солнце засветит — киндасовцы сохнут, только высохнут, — глядь, уже опять туча набежала, дождь пошёл, мужиков мочит. Вымокли киндасовцы, а тут и солнце на небе, — сохните, мужики, тепла не жалко.

Пройдёт иногда мимо путник, удивится: что за изба без крыши да кто в ней живёт?

Выходят киндасовцы, толкуют непонятливому:

— Да мы тут живём. А что без крыши, так когда же крыть? В дождь крышу не кроют, а в ясный день и так не течёт. Некогда, прохожий, крышу-то крыть.

Пройдёт прохожий, головой качая, а киндасовцы дальше живут: дождик льётся — они мокнут, солнце светит — они сохнут. Только высохнут, опять дождь начинает поливать. Долго так жили, пока не пришёл ещё один насельник. Построил он избу с крышей, стал жить как положено, а глядя на него и другие стали строиться, крышей закрываться да над первой избой смеяться.

ПРО МАЛАНЬЮ ИЗ КИНДАСОВА

Жил в деревне Киндасово парень по имени Яков. Как-то поехал он в извоз, отцу новость привёз: «Полюбил, — говорит, — девочку, живёт за речонкой в деревне Коч, мне жениться невмочь. Собирайся, отец, сватать езжай, пока не перехватили, мою любовь не отбили».

— А как хоть зовут-то да чьих родителей? — спрашивает отец.

— Зовут Маланья, как пироги печь — все ворота в тесте, я рад такой невесте. И найти нетрудно: как проедешь большак, крайняя изба без одного угла, крыша провалилась, во дворе одноногий петух.

— А хороша ли девка-то?

— Ой, хороша! Слегка кривовата, немного зобата, спина как лопата, а ноги колесом.

— А богата ли?

— Ой, как богата! Полна мышей хата, тараканы стадами бегают под столами, помоев в лохани всегда через край, а в углах сору целые горы.

— И все?

— Нет, батя, не всё. Одежды у них гора целая, вся на один гвоздь вмещается, аж гвоздь прогибается, обуви на всех — одни сапоги, зато такие большие, и у царя не найдешь.

— А много ли скотины?

— И скотины много: одних кошек одиннадцать штук, за иконой живой паук, в подпечье — сверчок, в ларю на просторе гуляет жучок, а по полу бродит курица, да такая умница, есть не просит, сучки в половицах выклёвывает, через левое плечо выплёвывает.

— А каковы родители?

— И родители хороши: отец уже три года с печи не слезает, а мать три года влезть не может, сама без сил, а помочь некому.

— Куда же дочь смотрит?

— Дочь смотрит на мать, а глядит в рукавицу. Рукавица та не простая, в ней денга лежит налитая, я тряхнул незаметно — на доньшке денег много. Так что, отец, спешу, нам не лишни гроши, да и девка славная: меня хорошо приняла, до печенок проняла, а как стала помоями полы мыть да подолом вытирать, тут уж я совсем влюбился, в любви объяснился, к тебе побежал, в ноги упал: поезжай, батюшка, за речонку, просватай девочку из деревни Коч, мне жениться невмочь. Зовут её Маланья, как пироги печь — все ворота в тесте, я рад такой невесте, мне другую не надо.

— Что же, — сказал отец. — Коли так, запрягай лошадь.

Пошёл Яков во двор, смастерил сани, нашёл верёвку для вожжей, у соседа охапку сена занял, в сани кинул. Сел отец, поехал сватать. Мигом дело сладили, свадьбу громкую справили и живут теперь в Киндасово Яков да Маланья, люди хорошие, правда, проезжие порой говорят, насмеваются. «У их, кореляков, что ни мерин — то Яков, что ни баба — то Маланья: как запрягать, так сани делают, как пироги печь — так все ворота в тесте». Насмеваются, да только им никто не верит, знают, что в Киндасове народ издавна толковый, рассудительный.

КУЗНЕЦ КУЗЯ

Жили в Киндасове отец да сын по имени Кузя. Отец был кузнецом и сына на кузнеца выучил, помер со спокойной душой. Стал Кузя кузнецом, а народ — как услышали звон — обрадовался. Прибежали все, смотрят. Точно ли Кузя?

— Кузя, ты, что ли? — не верят, спрашивают.

— Я, — отвечает.

— И куешь, и дуешь?

— И кую, и дую.

— А что будет?

— Сам не знаю, что получится, то и будет.

Стоит звон над деревней, стоят люди, ждут, что у Кузи получится.

А Кузя знай себе кует да дует, а что будет — не его забота.

Долго ковал Кузя, кончил наконец, вынес на люди, все сразу узнали.

— Да это же кочерга, Кузя, — говорят.

— Кочерга так кочерга, — говорит Кузя. — И кочергу надо уметь сладить.

Обрадовался народ: коль Кузя кочергу сладил, сладит и другое.

— А ну, Кузя, сделай мне сошничок, — говорит один мужик.

— Можно и сошничок.

Пошёл Кузя в кузницу, стал сошничок выделывать. Долго выделывал, ковал, наконец кончил, выносит на народ. Люди как посмотрели, так сразу узнали.

— Так это же кочерга, Кузя, — говорят.

— Какая кочерга, перекреститесь, — отвечает Кузя. — Сошничок это.

— Какой же сошничок, если кочерга?

— Ну, пусть кочерга, — сдаётся Кузя. — Только ведь и кочергу сработать — тоже не безделица.

Тут выступил другой мужик, просит скобу сделать. Пошёл Кузя в кузницу, стал скобу выделывать. Долго выделывал, ковал, наконец кончил, выходит из кузни. Все как посмотрели, так сразу и узнали.

— Опять кочерга, Кузя.

— Скоба это, — говорит Кузя, — только на кочергу похожа.

— Коль на кочергу похожа — кочерга и есть, что там говорить.

— Ну, пусть кочерга, — говорит Кузя. — Только и кочергу свертеть уменье надо.

Тут подъехал на телеге мужичок из другой деревни, кричит:

— Эй, кузнец, шина у меня лопнула, сделай, братец, заплачу.

— Сделаем, отчего же не сделать, — сказал Кузя, — подожди пока, покури сигарку.

Пошёл Кузя в кузню, стал шину выделывать. Долго выделывал, молотком выколачивал, кончил, выносит шину мужику. Мужик как посмотрел, так и сигарку выронил.

— Так это же кочерга! — говорит. — А я тебе шину заказывал, парень!

— Шину заказывал, шину и получай.

— Да такой шиной только в печке угли шурудить. Кочерга это, парень!

— Ну, пусть кочерга, — сдаётся Кузя. — Кочергу тоже надо уметь сделать.

Махнул рукой мужик да и поехал потихоньку до другой деревни.

А Кузя снова за работу взялся. И кует, и дует, и сам не знает, что будет, что получится. А получается одна кочерга. Хоть гвоздь кто закажет, хоть борону — у Кузи один товар: кочерга. Кочерга и кочерга. Всю кузню завалил, и снутри, и снаружи. По звону только и узнают, что тут кузня стоит. А Кузя вошёл в интерес, знай дует да кует, знай поколачивает. Кто знает, может, и до неба Кузя кучу навалил бы, да было это дело в смутное время, когда гуляли по лесам шайки литовских панов, грабили людей, жгли деревни. Нагрянули они и в Киндасово, вот тут-то и пригодилась Кузина работа. Народ в Киндасове дружный, поднялись все как один, каждый схватил по кочерге — на врага кинулся. Бегут, крутят кочергами над головой, кричат заполошенно — кто тут не испугается. Убрались литовцы подобру-поздорову, а Кузе за такое дело земляки новую избу поставили. Обещали и новую кузницу, да потом передумали, рукой махнули — для такого товара и старая сойдёт.

КАК МАТТИ ДЕНЬГИ КОВАЛ

Как-то снарядил отец своего сына Матти в город на заработки, дал грош, наказывает: — Люди-то, Матти, головой деньги куют, соображай и ты там, в городе-то, не будь бараном. И лишнего не говори, помалкивай больше. Слышишь меня?

— Слышу, слышу, — отвечает Матти. — Всё исполню, как ты сказал.

Пошёл Матти в город. Идёт, вспоминает, что ему отец наказывал. Ничего не вспомнил. Только два слова и пришли на память: «Деньги куют».

«Ладно, — думает, — может, и этого хватит. Главное, знай помалкивай».

Долго шёл Матти, устал, сел на бугорок, стал хлеб жевать, водой запивать. А рядом, за лесом, кузница стояла, стук да звон доносился, кузнецы работали. Сидит Матти, хлеб жуёт, вздыхает: «Хлеб да вода — бедняцкая еда».

Вдруг видит: идёт мужик по дороге, по одежде богатый, за плечами торба набитая. Подошёл, спрашивает:

— Эй, парень, что за стук да звон за леском? Чего делают?

Стал Матти вспоминать, как ему отец велел с людьми разговаривать, да ничего не вспомнил. Только те два слова и пришли на память.

Матти и скажи мужику:

— Деньги куют, мужичок.

Что сделалось с мужичком! Торбу сбросил, сапоги сдёрнул — нету мужика, убежал.

Матти сапоги примерил — как на нём сидели, заглянул в торбу — а там еды полно. Наелся досыта, дальше пошёл.

Долго шёл, устал, сел на бугорок, торбу развязал. А рядом сенокос кипел: одни мужики косы отбивают, другие направляют, третьи траву валят — стук да звон на всю округу стоит.

А Матти сидит, вздыхает: «Пешком-то долгой дорога покажется».

Глядь: барин едет на тарантасе. Подъехал, спрашивает:

— Эй, парень, что за стук там, что за звон? Чего делают?

— Деньги куют, барин.

Барина как ветром сдуло, убежал.

Сел Матти в тарантас, лошадей стегнул.

Долго ли, коротко ли, в город приехал, тарантас у Гостиного двора оставил, пошёл по городу работу искать. В это время по улице губернатор проезжал. Народ толпится, поклонны до земли бьёт. Остановился губернатор, вышел из кареты, с народом здоровается.

Хотел и Матти поклониться губернатору, сдёрнул шапку, а из шапки грош, что отец дал, возьми да и выскочи. Выскочил и поскакал по мостовой. Скачет, звенит вовсю. Запоглядывал губернатор, спрашивает:

— Что за звон, кто знает?

Матти ближе всех стоял, но не растерялся, говорит:

— Деньги куют, ваше благородие!

Сказал, а губернатора уже нету, бежит впереди всех, только шляпа с пером подпрыгивает. Сел Матти в карету да и поехал домой. Приехал, стучится, а отец не открывает, не поверил, что Матти приехал. Три дня Матти ломился, наконец обозлился, карету в реку столкнул, лошадей в поле выпустил. Пришёл обратно, отец открыл ему, рассказ выслушал, — побежали они лошадей ловить, карету из реки доставать. Только лошади уже убежали, карету водой унесло. Да и грош, что отец дал, тоже пропал, так вот наш Матти деньги ковал, ковал добро, ковал с ведро, а отец взял да и выбросил — кого тут винить...

МУЖИК-НЕСУН

Давно это было. В то время повадился в Киндасово ястреб летать, всех кур перетаскал, и прозвали его киндасовцы Змеем Горынычем. Горе великое пришло, беда огромная — не стало в деревне яиц. «Хоть яйцом покати», — говорили старики. Как-то проходил через деревню пряжинский парень, зашел в крайнюю избу воды попить, видит: хозяин спит после обеда, а хозяйки нету, видно ушла к соседке. Попил парень воды без спросу, подумал, на хозяина глядячи, усмехнулся. Потом достал из своего мешка вареное яйцо, сунул под мужика и ушел.

Спустя время проснулся мужик, глаза протер, чует: что-то под собой валяется. Рукой

провел, глазам не верит: яйцо, да еще и вареное. Тут и баба заходит в избу.

— Эй, баба! — кричит мужик. — Подь сюда.

Подошла баба: что такое?

— Баба, — говорит мужик, — диво дивное: ведь я, кажись, яйцо снес, да еще и вареное. Глянь-ка!

— Да что ты говоришь, — ахнула баба. — Вот радость-то несусветная, вот с яйцами-то теперь будем, да еще и с вареными.

— Молчи, дура, — засердился хозяин. — Где это видано, чтобы мужик яйца нес?!

— Так ведь ты-то снес!

— Я-то снес, а ты помалкивай, никому ни слова, поняла? А то знаю я вас — мигом по деревне разнесете.

— Да что ты, муженек! Да ни в жизнь, с места не сойти!

— Смотри у меня! Занимайся своими делами, рот на замок замкни.

Стала баба заниматься своими делами, а дела из рук валяются: не дает тайна покоя, невмолгу хранить. Терпела, терпела — в дверь юркнула да к куме-соседке. Поговорила о том о сем, шепчет:

— Отвори-ка, кума, ухо, что скажу. Только смотри: никому ни слова. Побожись сперва.

Побожилась кума, отворила ухо, баба и нашептала ей тайну великую, ушла к себе. Кума похранила тайну, потерпела, да вдруг к соседке побежала.

— Ой, соседка, погоди-ка, что скажу тебе. Только смотри: молчок! Побожись для верности.

Побожилась соседка, ухо наострила, великую тайну узнала: сосед-то, Пекка-то, два яйца снес, да еще и вареные. Ушла кума, а баба как на шильях, — хоть и побожилась, а мочи нет, невтерпеж прямо. Накинула платок — да к другой соседке. Заставила ту побожиться, великую тайну открыла: сосед-то, Пекка-то, четыре яйца снес, к тому ж и вареные, диво дивное. Ушла баба, а эта баба как на шильях вертится. Недолго вертелась, глядь: сидит уж в соседской избе, хозяйке в ухо нашептывает, Пекка-то, мол, восемь яиц снес, и все вареные, все как один ядреные.

Долго ли, коротко ли, разнеслась чудная

весть по деревне: Пекка-то, глядите-ка, сотнями яйца несет, и все уже вареные, все как один ядреные. Чудная весть по деревне гуляет, а мужик Пекка дома сидит, голову ломает: как это я, думает, так уловчился — яйцо снес, да еще и вареное? Уж и вправду: не курица ли я?

Ощупал мужик себя: нет, вроде не курица. Знать, нечистая сила здесь поработала, не иначе. И дело-то такое, что никому и не скажешь — засмеют.

Сидит мужик, рассуждает, вдруг видит: валит народ всей деревней да прямо к его избе.

— Эй, баба, — говорит мужик, — сходи-ка узнай, чего народ приперся, какая надобность?

Пошла баба на улицу, а обратно не идет, боится. Тогда мужик сам на крыльцо вышел. Как увидел народ мужика-несуна, так и всколыхнулся.

— Радость ты наша, — кричат. — Бог нам тебя послал, наши молитвы услышал. Теперь-то все мы будем с яйцами. Да к тому ж вареными, как один ядреными. Уж ты назначь цену али давай в мену — только не отказывай, без яиц не оставляй.

— Да что вы, народ честной, — удивляется мужик. — Да с чего вы взяли, про какие яйца речь?!

Еще больше всколыхнулся народ, бабы на колени валяются.

— Земля слухом полнится, — кричат. — Уж ты не покинь земляков своих, назначь цену али давай в мену, мы согласны!

Оглядел мужик людское море, поверилось ему.

«Ну, — думает, — видно, и впрямь я не мужик, впрямь я курица — яйца несу, да еще и вареные, как один ядреные».

— Ладно, народ, — говорит, — уговорили. Верю. Только вот что надо: сторожей нанять меня от ястреба охранять. Ведь налетит окаянный, унесет за моря-окияны, останетесь вы без яиц вареных, как один ядреных. То-то горюшко вам будет.

Согласились киндасовцы с такими словами, тут же решили: сторожей нанять, курицу от ястреба охранять, чтоб не схватил окаянный, не унес за моря-окияны, не оставил без яиц деревню.

КАК ДРУЖИЛИ КИНДАСОВЕЦ С ПРЯЖИНЦЕМ

Шёл киндасовский Матти по дороге, а навстречу пряжинский мужик попадал.

— Здорово, киндасовец! Как тебя звать?

— Здорово и ты, пряжинец! Матти меня звать.

— Слушай, Матти, — сказал пряжинец. — Давай дружить с тобой.

— Давай.

— Будем дружить, будем в гости ходить: то я к тебе, то ты меня к себе. Согласен?

— Согласен, — сказал Матти, сам не подумал.

— Смотри, уговор дороже денег. Завтра я к тебе приду. Готовь угощения.

— Ладно, приготовлю.

Ушёл пряжинец, а Матти в деревню побежал угошенья готовить, друга встречать. Всего наготовил, наутро гость из Пряжи приходит, поглядел на стол, похвалил Матти.

— Молодец, Матти, видно, что постарался.

Сел за стол и вмиг подмял всё, что было, чаю напился, лёг на кровать вздремнуть. Лёг и говорит:

— Не в службу, а в дружбу, Матти: почешки мне пятки, я страсть как люблю это дело.

Матти в дружбу и почесал пряжинцу пятки, уснул тот, вечером проснулся, уходя, сказал:

— Не забудь: завтра ты меня к себе. До свидания, дружок!

Ушёл пряжинец. А Матти уж с вечера за угошенья взялся, всего приготовил, а утром побежал в Пряжу друга в гости звать.

Прикатил пряжинец, поглядел на угощения, засмеялся:

— Ай да Матти! Ай да молодец!

Сел за стол, в один миг всё подмёл, а чаю напившись, на кровать лёг.

— Будь другом, Матти, почешки пятки.

Делать нечего, почесал Матти другу пятки, тот и уснул, проспал до вечера, а уходя, напомнил:

— Не забудь, Матти, завтра я к тебе.

И укатил в свою Пряжу довольнѣхонький. И опять Матти бегал, угошенья готовил, а утром пряжинский друг уж в крыльцо поднимается. Вошёл, посмотрел, чуть не подпрыгнул

от радости да скорей за стол. Наелся-напился, на кровать завалился.

— Почешки пятки, парень!

Вздохнул Матти, почесал другу пятки, тот и уснул, проспал до вечера. Вечером встал, собрался уходить:

— Смотри, завтра ты меня к себе, понял? — И укатил.

Так и дружили Матти с пряжинцем. Дружили, в гости ходили: то пряжинец к Матти, то Матти пряжинца к себе. Долго дружили, дружили бы и до сих пор, да как-то уронил Матти на ногу друга топор, друг завыл да и таков был, больше не появляется, из Пряжи ругается, а Матти удивляется: чего друг не едет, чего обижается? Ведь такая дружба была, не разлей вода: то пряжинец к Матти, то Матти его к себе, теперь хоть брось: и дружба врозь, и угощать некого...

ЦАРСКИЙ СЧЁТ

Проезжал царь Пётр Алексеевич через Киндасово, соизволил отдохнуть, расположился на берегу Шуи, лежит, отдыхает, в уме государственные задачи решает. «Что же, — думает, — пушечный завод я открыл на реке Лососинке, а не открыли ли мне на реке Шуге школу арифметики? В этой, к примеру, деревне? Нужны, ой как нужны моему государству учёные люди!»

Думает государь думу, а рядом вся деревня сгрудилась, стоят киндасовцы, помалкивают, шапки теребят, сказать чего боятся: ну как царь-батюшка осердится, страху нагонит.

Перестал царь государственные задачи решать, на народ смотрит.

— Что, — говорит, — все ли у вас хорошо?

Вышел вперёд старшой, до земли поклон отвесил.

— Всё, отец, хорошо, — говорит. — Только одно не в толк.

— Что такое?

— По сказкам, батюшка, по записям в деревне сорок одна душа. А как начну я считать-пересчитывать, одного нету и нету. Все тут, а одного нету!

— Как так: нету?! — не понимает царь. — Собрать всю деревню, навести счёт!

– А и собирать не надо, батюшка-царь, все тут. Все до одного.

– Тогда считай.

Стал старшой считать. Считал на совесть, никого не пропустил. Насчитал сорок душ, одного нету.

– Считай ещё раз, – приказывает царь. – Считай со тщанием, я погляжу.

Снова старшой счёт повёл. Ретиво считает, со тщанием. Всех пересчитал, одного нету. Нету и нету.

Засердился царь, на ножки вскочил, повдоль заходил.

– Может, беглый кто? – спрашивает.

– Нет, батюшка, отец родной, из нашей деревни не бегают. Народ дружный.

– Тогда считай ещё раз.

Вновь старшой считает, а царь следит, исподлобья глядит. Дошёл старшой до сорока, остановился. Все тут, а одного нету, хоть в пень колотись.

– Ну? – говорит царь, сам смекнул что-то, усмежается.

– Нету, царь-государь, одного нету.

– Нету, говоришь? Ложись тогда на брюхо. Эй, задерите ему рубаху. Я считать буду, а вы, поселяне, каждый себя называй.

Лёг старшой на траву, рубаху ему задрали, царь плёточку взял.

– Давай с краю! – крикнул.

Шагнул первый мужик, глаза пучит.

– Семёнов я, царь-батюшка, – заблажил. – Семёнов Тарас.

– Ты – Тарас, а ему – раз! – Царь старшого хлестнул.

– Матюха я, сын Петра, – крикнул второй киндасовец.

– Сын Петра – два, – сказал государь, второй раз ожёг старшого.

– Яковлев сын, Макар!

– Макар – третий удар...

– Дед Филарет я, только с печи...

– Только с печи – четвёртый раз получи...

– А я Кузьма, по прозвищу Беспятый...

– Беспятый – вот ему пятый...

Охаживает царь старшого, свой, царский, счёт ведёт, быстро работа идёт. Недолго-некоротко, а уж и на четвёртый десяток перева-

лили. Охает старшой, трясутся киндасовцы, себя выкрикивают:

– Климов Зуёк, заходи, царь-батюшка, на чаёк, милости просим.

– Милости просим – тридцать восемь...

– А я Федотка.

– Федотка – тридцать девятая плётка...

– Ну, а я... того-этого... Афанас.

– Ты – Афанас, а ему – сорок раз. Верно сосчитано?

– Верно, отец, верно.

– А одного нету?

– А одного нету, правда твоя, царь-батюшка.

– А как вашего старшого звать?

– Пекка, батюшка, Пекка звать, а по прозвищу Овин, потому как толстоголовый.

– По прозвищу Овин – сорок один. Сходится счёт?

Упал народ на колени, носом в траву окунулся.

– Сходится, государь, – закричали. – Дай тебе Бог здоровья да долгого царствия над нами, неразумными. Каб не ты, каб не твой царский счёт, так бы и жили о сорока душ, так бы и искали сорок-то первого до светопреставления!

Усмехнулся царь, в карету сел, в Петровские заводы поскакал, на прощанье кулаком помахал, а про школу арифметики и не вспомнил. А киндасовцы чуть не до Пряжи бежали, царя провожали, да разве за царём угонишься?!

Вернулись киндасовцы в деревню, а старшому не верится, вдругорядь за счёт взялся. Три раза пересчитал, плачмя заплакал: душ как было сорок, так и осталось, одного как не было, так и нет, где найти ответ, аль царя подождать, всем портки поснимать, пусть государь похлещет, царский счёт наведёт, уму-разуму научит? Долго толковали киндасовцы, да на том и порешили: царя до будущего года подождать, всем портки поснимать, пускай похлещет, снова счёт наведёт, уму-разуму научит, а пока жить без одного, подати платить за него, по копейке со двора, по рублю с деревни.

РАСКИДАЙ ХЛЕВЕЦ, НАРУБИ ДРОВЕЦ

А не в море-океане, не на острове Буяне, а в деревне Киндасово жили-были отец с сыном. Сын был умный, а отец ещё умнее, как печь топить, так сыну приказ даёт: «А ну-ка, сынок, раскидай хлевец, наруби дровец». Сын раскидает хлевец, нарубит дровец, принесёт охапку, водой обольёт да и в печь суёт. Сырые-то дрова дольше горят, так старики говорят, а старики зря не скажут, как дрова поливать, покажут, а коль не поймёшь — рылом в стол да, поднявши, об пол, потом на крыльцо да под зад пинцо, потом, догнавши да за ворот взявши, носом в грязь сорок раз, один суёт, другие считают, сначала хором, потом по одному. До сорока дают, к реке несут, в воду окунут, пятки шекочат, сами хохочут, а ты хоть плачь. Окунувши, вытащат, на солнце высушат, сразу поймёшь, что старики говорили, на что наставляли, печь топить через трубу заставляли. «Клади, — говорят, — дрова в трубу, а дым себе дорогу найдёт, окно трубы шире, к тому же окон четыре да пятая дверь, нам, старикам, верь, старики мимо не скажут, если надо — покажут, а не надо — домой пойдут, про тебя, дурака, старухам расскажут».

Всё верно, всё так, только речь не всё про печь, про сына с отцом, про дрова с хлевцом. Сын разобрал хлевец, нарубил дровец, принёс охапку, водой облил, тут отец новый приказ даёт: «А ну-ка, сынок, поставь в печь чугунок, дровами завали да так и вари. В дровах-то суп мигом сварится, не надо ждать, ложками стучать».

Поставил сынок в печь чугунок, дровами завалил, стал лучину искать, набрёл на кровать, кровать сосновая, почти что новая. А кроватью растоплять — горя не зная, так старики говорят, они-то зря не скажут, а если надо — покажут. Коль поймёшь — молодец, сунут в зубы огурец, а не поймёшь толком — в зубы кулаком, лбом об стену, брюхом на скамью — и ну пороть. Один порет, другие считают, сначала хором, потом по одному. Порку дадут, на улицу ведут, ребятишкам показывают: «Глядите, ребята, ум-то не в голо-

ву вбивают, а в задницу. Коль в задницу вбито — ничем не вышибешь, а в голову вбивать — только время терять, понятно ли это?»

Всё верно, всё так, только речь не о том, что по заду кнутом, речь про сына с отцом, про дрова с хлевцом, про тот чугунок, что поставил сынок, дровами завалил, печь кроватью растопил да и варит суп из двенадцати круп. Суп варится, отец сыну новый приказ даёт: «А ну-ка, сынок, крышу разбери да пол перестели. Видишь, половицы провалились, ходить нельзя, сломать ногу можно. Дождь-то не каждый день идёт, и без крыши проживём, а по нему ходить надо каждый день, да и ночью, бывало, встанешь, воды попьёшь, обратно идёшь, всё на свете клянёшь: до кровати добраться — все ноги сломать».

Залез сынок на крышу, мигом разобрал, доски в окно подал, сам через трубу спустился, из печи появился — отца до смерти напугал, отец в поле убежал. Стал сын перестилать пол, да вдруг дождь пошёл, пришлось работу бросить, в баню бежать, там дождь пережидать. Ждал-ждал, дождь не кончается, а тут и отец ввалился, сына увидел, за баннушку принял, хотел убежать, да сын опередил. За рукав схватил, на скамью усадил, стали они друг другу рассказывать — сын про дождь в избе, отец про дождь в поле, — где сильнее лило. Сын говорит: «В избе», отец говорит: «В поле». Сын: «В избе», отец: «В поле». Долго спорили, решили проверить. В поле пошли, ни одной лужи не нашли. Приходят домой, там чашки плавают, в печь заплывают, вода через окна плещется. «Правда твоя, — говорит отец, — в избе сильнее лило, бери-ка, сын, помело, я дверь-то отворю, воду выпущу. Как хлынет вода, ты по ней хлопай, чашки топи, чтоб далеко не уплыли. А то на улицу уплывут, соседи разберут, потом наищешься».

Взял сын помело, отец двери открыл, вода во двор хлынула, обоих в сторону откинула, одного на сани, другого — на телегу. Поплыли сани — на санях отец с петухом, поплыла телега — на телеге сын с котом, машет помелом. Чашки топят, чтоб далеко не уплыли, соседям не достались. Катится река да пов-

доль села, народ впереди реки бежит, «что такое?» — говорит, ребяташки с крыши удочки закидывают, коровы ревут, овцы бегут, горохом рассыпаются. Пронеслась река да вдоль по улице, а как вырвалась в поле, вширь растеклась, в озеро превратилась, людям пригодилась. Стали они в озере рыбу ловить да отца с сыном благодарить.

А отец сыну уже новый приказ даёт: «Разбеги-ка ещё хлевец, наруби дровец, печку затопи, избу просуши да пирогов напеки. Сядем вдвоём, по пирогу съедим, остальное коту с петухом дадим, на полати ляжем да, поумневши, скажем: «Хватит людей смешить, как бы не пришлось слёзы лить. А чтобы слёзы не лить, надо у сказки конец завить, связать узлом, обрубить топором, за окно выкинуть. А как поспеет самовар, чаю попить, цветы в горшках полить да и спать идтить».

Так и сделали сын с отцом. Сын разобрал ещё хлевец, нарубил дровец, дрова водой облил, кроватью растопил. Напекли они пирогов, за стол сели, по пирогу съели, остальное коту с петухом поделили, конец у сказки завили, связали узлом, обрубил топором да за окно и махнули. Кончилась сказка, а тут и самовар поспел, отец с сыном чаю попили, цветы кипятком полили да и спать пошли.

КАК МАТТИ ИЗ ШТАНОВ ВЫПРЫГИВАЛ

Шёл Матти как-то из города в свою деревню Киндасово. Припозднился, пришлось в чужой деревне остановиться, ночевать попроситься. Пустил его один мужик, ужином накормил, порасспрашивал о житье-бытье, а тут спать время подошло. Хозяин на лавку шубу бросил.

— Ложись, парень, — сказал. — Я тоже лягу, вставать-то рано, а делов-то много, да и глаза уж закрываются, руки-ноги покою просят.

Лёг Матти на лавку, сам на хозяина поглядывает. А хозяин рубаху снял, на штанах пуговицы расстегнул, потом присел немного да вдруг как прыгнет в кровать — штаны так и сели на пол, а хозяин уже под одеялом лежит, бормочет что-то, рот крестит.

Подивился Матти, не утерпел, спрашивает: — Эй, хозяин, как это ты спать ложишься?

— Как ложусь... Сам видел, как ложусь, из штанов да под одеяло.

— Да ведь добрые-то люди штаны с себя снимают, а ты наоборот: из штанов сам выпрыгиваешь.

— Что ж, — говорит хозяин. — Штаны с себя снять — дело нехитрое, много ума не надо. А ты попробуй себя из штанов вынуть — небось не сумеешь. Это у нас, братец, семейное: и отец мой умел из штанов выпрыгивать, и дед, царство ему небесное. А штаны с себя снять — это и дурак сможет. Ладно, спи давай, не время сейчас языком чесать.

Заснул хозяин, а Матти долго ещё не спалось, всё про штаны думалось. Утром встал он, с хозяином расплатился, домой пошёл. Идёт скоро, на сердце думу несёт. К вечеру пришёл, молока чашку выпил, спать заторопился.

— Что это ты спать заторопился? — спрашивает отец. — Посиди, поговори.

— Посидел бы, батюшка, да устал с дороги, отдохнуть надо.

Снял Матти рубаху, пуговицу на штанах расстегнул, стоит у кровати присевши, прицеливается.

— Ты чего стоишь присевши, чего задумал? — говорит отец.

— Хочу, батя, одному делу научиться, народ удивить.

— Какому ещё делу?

— Хочу научиться из штанов выпрыгивать да чтоб прямо в кровать.

Подивился отец на такую новость.

— Ну и придумал тоже, — говорит. — Делать, что ли, нечего?

— Не придумал, видел. Ночевал у одного мужика, тот как спать, так из штанов выпрыгивает, да так ловко, откуда что и берётся. Вот и я хочу так.

Присел Матти пониже, подпрыгнул, упал в кровать, назад смотрит: где штаны? Не видно на полу штанов, на заду висят.

Усмехнулся тут отец, на Матти глядя, интересно стало.

— Надо, братец, пониже присесть, повыше

прыгнуть, тогда получится, — сказал. — Дай-ка и я попробую, из своих штанов выпрыгну.

Расстегнул отец штаны, присел пониже, прыгнул повыше — нет, и у отца не получилось, штаны на заду висят.

— Надо, батя, ещё ниже присесть, ещё выше прыгнуть, — сказал Матти. — Вот гляди-ка.

Присел Матти ниже отца, прыгнул выше батюшки — нет, не получается, штаны на заду висят, на пол не валяются.

Обзаводились отец с сыном. Давай прыгать вперегонку — кто ниже присядет, кто выше подпрыгнет, из штанов выскочит.

Тут заходит сосед соли попросить. Узнал, в чём дело, и про соль забыл, домой побежал, всем рассказал, как отец с сыном из штанов выпрыгивают. Долго ли, коротко ли, а уж вся деревня узнала, мужикам интересно стало, собираются в кучу, толкуют:

— Когда-то наши деды в штаны запрыгивали, с полатей махали, лихо попадали. Давайте-ка и мы, братцы, дедов не посрадим, всех удивим, из штанов выпрыгивать научимся.

Взялись киндасовские мужики за дело: с утра до вечера учатся прыгать из штанов на кровать, а после опять, а потом снова, с утра до полвторого, с понедельника до пятницы идут занятия у киндасовских мужиков: прыжки из портков.

Прославили деревню старики, когда прыгали с полатей в портки, трижды прославят деревню нынешние мужики — лишь бы не подводили портки, на пол садились, на заду не висели. А чтобы портки не подводили, стали их шить пошире метра на четыре, так дело и пошло. И сейчас идёт, а за ним — и слава про киндасовских мужиков, что прыгают перед сном из портков, да так ловко, откуда и сноровка — пряжинцам этого не понять, а нам пора сказку кончать да тоже прыгать из штанов на кровать, что-то получится.

ВСЯКОЕ В ЛЮДЯХ ГОВОРЯТ...

Всякое в людях говорят... Говорят: хлебы варят, а щи пекут, холсты плетут, а кор-

зины ткут, да только вы не верьте, а придите в нашу деревню да проверьте. Деревня наша известная, молва идёт лестная, Киндас-Рукавицей (киндас по-карельски — рукавица) прозывается, стоит на Шуе, как прыщ на... (на самом берегу), кто ни проедет, всяк завернет, погостит-поглядит, а потом всем рассказывает: «У их, кореляков, что ни мужик, то Яков — как запрягать, так сани делают, что ни баба, то Маланья — как пироги печь, так все ворота в тесте». Вы им не верьте, а придите в нашу деревню да проверьте: Яков у нас всего один, это он — как запрягать, так сани делает; и Маланья одна, это она — как пироги печь, так все ворота в тесте.

Хорошо пироги печь, да не про то сейчас речь, а про хлебы со щами, да про холсты с корзинами.

У нас в деревне хлебы не варят, тесто в кадшке солят, крышкой закроют и две недели на ней сидят, сначала один, потом двое. Двое посидели, пятеро садятся, меж собой рядятся — кому внизу сидеть, кому сверху. Третий на втором, пятый на четвертом — сидят, хлебы солят, давят весом с большим интересом: тесто поднимается, а они опускаются. Крышка до дна дошла — хлебы готовые, солим новые, а эти хватаем да в рот кидаем, поповши — съедаем, а не поповши — щели в стенах замазываем.

Щи у нас тоже не пекут, чугунок берут, кочан в него кидают, водой заливают, потом три раза тряхнут да три часа ждут, не будет ли пузырьков. Время прошло, пузырьков нет — готов обед. Дальше — легче: кочан вынимается, за окно кидается, щи по тарелкам разливаются. Разольём, с краю попьём, половину оставляем, чаю кидаем, на солнце завариваем. Щи съедены, чаю попито, брюхо набито — ложимся спать, сучки в потолке считать. До ста сосчитаем, встаём, на кухню идём, тесто из щелей выскребаем. Ложек пять соскребешь, за щеку кладешь да и спать идешь. Спим крепко, встаём дружно: пора дальше жить.

И холсты у нас тоже не плетут, у проезжих купцов берут. Гору наберём, всей деревней штаны да сарафаны шьём. В старину, бывало,

на каждого шили, а потом плюнули, решили: будем на всех мужиков одни штаны шить, а на всех баб один сарафан, а ребятишки и голышом побегают. Сшили мы штаны во-от такой ширины, полдеревни в одну штанину влезает, полдеревни — в другую, да так и ходим. Соберется один на рыбалку, как ему быть? Для одного штаны ой как велики, а как все соберутся — так в самый раз. На берег приходим, один удит, другие глядят, меж собою рядят: кому завтра идти, куда мужиков вести. Одному стога метать, другому грибы собирать, третьему у брата свадьбу играть. Стога метать — это может подождать, да и вдруг дождя нанесёт; грибы собирать — нехудое дело, да свадьба, пожалуй, лучше: гости сядут — и мы подсядем, гости песню заведут — и мы подтянем, гости в пляс — и мы подтопнем, левой ногой — полдеревни, правой ногой — еще столько же, да еще сарафан почти с океан. Хозяева со смеху падают, падаем и мы, уж такие штаны неуправчивые. Поплясали, вина попили, обратно идём, а штаны во-от такой ширины, сами качаемся, лбами встречаемся, в круг заплетаемся. Сарафан подойдёт, порядок наведёт, дальше вместе идём, песни поём, надо ли ещё рассказывать?

А ведь и корзины у нас тоже не ткнут, осину

берут, на колоды пилят, долотом долбят, дырочки проверчивают. Насверлят побольше, помочат подольше, потом на сушку и в лес по волнушку. Четверо несут, пятый грибы кидает, шестой кидать помогает, головой отбивает, да так ловко, откуда и сноровка: грибы в корзину летят, и все вверх ножкой, еще немножко — и корзина целая, четверым не унести, пятый устал, шестой так упарился, что прямо в корзину валится. Потужатся мужики, потужатся да и бросят, в деревню идут, помощи просят. Уж такой тут народ — вся деревня бредёт, придут, по грибу берут, обратно идут, а корзину за собой волокут. Волокут, пошучивают, грибы на сучки нащучивают. В деревню приходят, грибов нет, а корзина целая, на два века хватит, на третий останется, кому достанется, тот добрым словом вспомнит: откуда корзинка в два пуда, и украл бы кто — не украдёшь, дальше пойдёшь.

Да, всякое в людях говорят, да только вы не верьте, а сходите в нашу деревню да проверьте.

*При оформлении публикации
использованы рисунки Дмитрия Москина*

Василий Николаевич ФИРСОВ (1951–2010).

Родился в деревне Запань Вытегорского р-на Вологодской области.

Работал в леспромхозе, колхозе, штамповщиком на заводе, киномехаником, корреспондентом районной газеты.

Окончил филологический факультет Карельского педагогического института.

Свой первый рассказ «Витя Коровушкин» опубликовал в журнале «Север» в декабре 1979 г., спустя 7 лет вышла первая книга «Поздравление».

В последующих книгах «Сказки деда Северьяна» (1992),

«Чужой домовой» (1992), «Слово за щекой» (1998), «Озорные сказки» (2003),

«Заветные сказки от Василия Фирсова» (2009)

В. Фирсов раскрыл свой талант писателя-сказочника.

В сказках, опираясь на народные традиции, он создал целую галерею народных характеров — жизнерадостных, озорных, извлекая из сказочной ситуации поучительный для современников смысл.

